

обосновывает на историческом опыте зависимость человека от совокупности факторов общественной и личной жизни, которые обуславливают все его поведение и могут при счастливом стечении обстоятельств способствовать «развержению великих дарований», самореализации потенциальных способностей и талантов личности.

«Малейшая искра, падшая на горячее вещество, произведет пожар великий; сила электрическая протекает везде непрерывно и мгновенно, где найдет только вожагого. Таково же есть свойство разума человеческого. Едва один возмог, осмелился, дерзнул изытаться из толпы, как вся окрестность согревается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепитися к мощному магниту. Но нужны обстоятельства, нужно их поборствие, а без того Иоган Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается. Но время, уготвление, отъемлет все препоны. Лутер стал преобразователь, Декарт преобразователь, и яко вследствие законов движения удар, даный единому шару, сообщается всем, на пути его стоящим...»⁶⁴

9

Новое понимание истории вырабатывалось в теоретических сочинениях и быстро становилось достоянием самых различных деятелей — философов, историков, писателей. Именно в литературе — прозе и поэзии — раньше всего сказались результаты овладения историческим мышлением. Особенно наглядно это проявилось в переводах античных авторов, в частности Анакреона.

Интерес к Анакреону, возникший в XVI в., не угас и в XVIII столетии. Но время накладывало свою печать на понимание поэзии древнегреческого поэта, на место анакреонтики в поэзии разных стран, на характер точности перевода. Исторический смысл обращения и новой русской и западноевропейской литературы к греческой поэзии объяснил Белинский: «Русская поэзия не знала еще Греции... как всемирной мастерской, через которую должна пройти всякая поэзия в мире, чтобы научиться быть изящною поэзиею».⁶⁵

Первым в России это понял Кантемир, принявшийся в конце 1730-х годов переводить с греческого оды Анакреона. К сожалению, переведенные им 55 од, посланные в Петербург, опубликованы не были и не стали живым явлением литературного процесса XVIII в. С Анакреоном русского читателя познакомил Ломоносов, который перевел одно стихотворение «Ночною темнотою...» (вошло в «Риторику», изданную в 1748 г.) и несколько од, включенных поэтом в свой «Разговор с Анакреоном» (при жизни Ломоносова он не печатался, но с 1760-х годов распрост-

⁶⁴ Там же, с. 429.

⁶⁵ Белинский В. Г. Поли. собр. соч. М., 1955, т. 7, с. 224.